

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_148

Китай в восприятии Н. Ф. Федорова

Е. А. Осьминина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eleosminina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется позиция Н.Ф. Федорова по отношению к Китаю, высказанная им в публицистических статьях, письмах и философских трудах. Рассмотрены различные толкования этой позиции у современных философов, литературоведов, китаистов. Для решения данной проблемы использован культурно-исторический метод. Уточнены синологические источники, которыми пользовался философ. Сделан вывод о значении политического фактора и общей историософской концепции Федорова для объяснения его отношения к Китаю.

Ключевые слова: Китай, Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, восстание ихэтуаней, боксерское восстание

Для цитирования: Осьминина Е. А. Китай в восприятии Н. Ф. Федорова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). 148–154. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_148

Original article

China in the Perception of N. F. Fedorov

Elena A. Osminina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eleosminina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the position of N. F. Fedorov in relation to China, expressed by him in the journalistic articles, letters and philosophical works. The various interpretations of this position by the modern philosophers, literary critics, sinologists are considered. The cultural-historical method is used to solve this problem. The sinological sources used by the philosopher have been clarified. The conclusion about the significance of the political moment and the general historiosophical concept of Fedorov to explain his attitude to China is made.

Keywords: China, N. F. Fedorov, V. S. Solovyov, the uprising of the Ikhetuans, the boxer rebellion

For citation: Osminina, E. A. (2023). China in the perception of N. F. Fedorov. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 148–154. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_148

ВВЕДЕНИЕ

В публицистике, художественной прозе и поэзии Серебряного века Китай предстает многоликим и неоднозначным. В философской публицистике доминирует отрицательный образ страны, нарисованный В. С. Соловьевым; в духе его концепции «панмонголизма» и «желтой угрозы» написаны статьи Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, В. И. Иванова. Тем более важно, что существовала и другая позиция, другое отношение к Китаю – не только в художественной прозе и поэзии, но и в публицистике. Она представлена Н. В. Федоровым.

Эта позиция довольно рано оказалась в поле зрения исследователей. Первая статья, «Русские мыслители о Китае (В. С. Соловьев и Н. В. Федоров)», была опубликована еще в 1926 г. [Сетницкий, 2017]. Она написана Н. А. Сетницким, философом, поэтом и последователем Федорова. Сетницкий считал, что в конце 1880 – начале 1890-х отношение Федорова и Соловьева (в статье «Китай и Европа») к Китаю было положительным и во многом совпадало. С 1894 г. позиция В. С. Соловьева изменилась, отношение его стало отрицательным (в работах «Три разговора», «Дракон», «По поводу последних событий»).

В комментариях к четырехтомнику Н. В. Федорова (1995) С. Г. Семенова и А. Г. Гачева прослеживается та же позиция [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 127–137]; на изменение взглядов Соловьева после 1894 г. указывают и С. И. Скороходова [Скороходова, 2016, с. 37–38], и Н. А. Самойлов [Самойлов, 2002, с. 569]. В то же время последний сразу представляет Н. В. Федорова как оппонента Соловьева: кратко суммируются федоровские воззрения на Китай, по письмам реконструируется критика участия России в подавлении восстания ихэтуаней («боксерского восстания» 1900 г.). А. В. Лукин, напротив, считает, что Н. В. Федоров не осуждал Россию за это участие [Лукин, 2007, с. 85].

Расходятся мнения исследователей и по поводу традиции, которой следовал философ в отношении к Китаю. С. И. Скороходова указывает на сходство историософских позиций Н. В. Федорова и А. С. Хомякова [Скороходова, 2016, с. 34]. А. В. Лукин пишет, что Н. В. Федоров продолжает «западническую» традицию [Лукин, 2007, с. 82].

Для разъяснения этих расхождений обратимся непосредственно к наследию философа, причем приоритетными для нас будут статьи, напечатанные еще при его жизни: «Кончилась ли всемирная история?» (1900) и «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае» (1901). Обе они были написаны в соавторстве с

В. А. Кожевниковым и опубликованы в журнале П. И. Бартенева «Русский архив» (вторая статья – без подписи). Основной труд философа – «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства» (1878 – нач. 1890-х гг.) – и его письма были опубликованы посмертно. Образ Китая в них мы также учитывали.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Первая статья, «Кончилась ли всемирная история», – отклик на открытое письмо В. С. Соловьева «По поводу последних событий», написанное 7 июля 1900 г., в разгар восстания ихэтуаней, исход последнего тогда еще был неясен. Движение ихэтуань или «боксерское восстание» («Кулак во имя мира и справедливости»), антииностранное и антихристианское по духу, зародилось в провинции Шаньдун в конце 1898 года, весной охватило провинции Фэнтянь, Чжили, распространилось в Маньчжурии. В мае 1900 года ихэтуань вошли в Пекин, объединяясь с армией Дунь Фусяна [Дацышен, 1999, с. 67]. 6 июня китайская власть объявила о войне с иностранными державами, 7 июня в Пекине был убит немецкий посланник К. фон Кеттелер.

Соловьев увидел в происходящих событиях знак того, что «всемирная история внутренне кончилась» [Соловьев, 1914, т. 10, с. 225], «конец истории» соединился с началом ее в лице «ветхого днями китайца» [Соловьев, 1914, т. 10, с. 226]. Интересно, что здесь же В. С. Соловьев упомянул свою статью «Китай и Европа», обозначив ее как «предвидение и предчувствие» настоящих и грядущих событий [Соловьев, 1914, т. 10, с. 223]. Действительно, наличие «желтой угрозы» констатировалось уже в статье 1890 г.

Н. В. Федоров, возражая В. С. Соловьеву, осудил проповедь истребления целого народа и разграбления государства «христианским мечом» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 75]. С горечью он вспомнил стихотворение В. С. Соловьева «Дракон» и в конце статьи высказался за «всемирное объединение всех народов...» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 76].

Комментаторы четырехтомника указывают, что статья писалась осенью 1900 г., когда боксерское восстание уже было подавлено [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 158]. Но дело даже не в этом. По письмам Н. В. Федорова к Кожевникову от 7, 23 июня, т. е. в самый разгар восстания, ясно, что философ не приветствовал участие России в подавлении «боксеров». Он писал, что перед Россией стоит выбор: «сделаться предателями Китая...»

[Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 426] или отказаться от сотрудничества с французами, имеющими свои территориальные интересы в Поднебесной. В комментариях к четырехтомнику указывается, что Федоров регулярно читал крупнейшую консервативную газету «Новое время», осуждавшую политику европейских держав в Китае и полагавшую, что России не следует ввязываться в войну. Далее приводятся отрывки из статей и сообщений газеты от 3(16), 7 (20), 8 (21) июня [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 377–378]. При сравнении их с высказываниями Н. В. Федорова сходство очевидно.

Вторая статья, «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае», опубликована год спустя. Он представляет из себя подробный пересказ материала С. С. Слуцкого, напечатанного в «Русском вестнике» в том же 1901 г. [Слуцкий, 1901]. С. С. Слуцкий перевел на русский язык несторианскую надпись на стеле в Си-нань-фу (близ Сиани), обнаруженную еще в 1625 г. Текст основан на французском, английском, русском (неполном) переводах и сличен с китайским оригиналом. Он снабжен краткой исторической справкой об истории несторианства в эпоху Тан. Надпись состоит из трех разделов – «доктринального, исторического и еврилогического» [Ломанов, 2002, с. 45]. Последний раздел распадается на две части: в первой перечислены имена 60 проповедников христианства в Китае (ее у Слуцкого нет), во второй указывается время создания памятника и имена его создателей.

Н. В. Федоров последовательно пересказал статью С. С. Слуцкого, почти не отходя от порядка изложения и ставя цитаты в кавычках. Некоторые из них приводятся точно, другие – слегка перефразируются. Мы не обнаружили в тексте С. С. Слуцкого только одной заковыченной цитаты, которая есть у Н. В. Федорова: царство «стало богатым, великим, прекрасным... семьи в пресветлой вере обильно блаженствовали» [Федоров, 1995–2000, т. 3, с. 214]. Однако отдельные слова и словосочетания из этой цитаты есть в надписи и в целом они не противоречат ее духу. Кроме материалов С. С. Слуцкого, Н. В. Федоров обратился к книге французского путешественника Э. Р. Хука (Гука) «Христианство в Китае, Тартарии и Тибете», в ней также содержатся сведения о несторианской надписи; Федоров процитировал характеристику периода Тан, данную М. Хуком [Нис, 1857, т. 1, с. 69] и указал источник в самом тексте своей статьи (в собрании сочинений он перенесен в комментарий).

Н. А. Сетницкий обратил внимание на цитату о своевременности дождя и ветра, приводимую и комментируемую Н. В. Федоровым, и сделал вывод по поводу этого комментария: Н. В. Федоров «в намеках надписи» видит связь с собственной

«программой атмосферной регуляции» [Сетницкий, 2017, с. 300]. Действительно, данной цитатой завершается пересказ Н. В. Федорова, хотя она и не находится в ее конце; что, безусловно, говорит о значимости цитаты. А вот то, что надпись является памятником несторианства (учения, осужденного церковью на III и IV Вселенских соборах), Н. В. Федоров не указал. Вероятно, что при его широко и своеобразном толковании христианства этот факт для него не имел значения.

Историк церкви А. А. Спасский откликнулся на тот же перевод С. Слуцкого, публикацию которого он считал «как нельзя более своевременным» [Спасский, 1901, с. 609]. Ведь боксерское восстание было антихристианским, повстанцы убивали европейских миссионеров и самих китайцев-христиан. А. А. Спасский указал на «религиозную окраску» «дикого взрыва китайского фанатизма против европейцев», на возникающий отсюда вопрос: пригодно ли христианское учение для Китая, – и на положительный ответ, который дала сама история (успехом распространения несторианства в Тан).

Поэтому не идея атмосферной регуляции заставила Н. В. Федорова отозваться на материал С. С. Слуцкого, в конце статьи говорится о текущем моменте. Н. В. Федоров также считал, что обращение народа в христианство возможно, в прошлом уже был подобный прецедент и Китай в это время процветал. Далее философ предложил устраивать в Поднебесной музеи-школы и уже при них храмы для распространения христианства, кратко изложил свою историософскую концепцию (к которой мы еще вернемся) и закончил статью критикой «панмонголизма» В. С. Соловьева.

Таким образом, оба опубликованных произведения Н. В. Федорова напрямую связаны с политической ситуацией: боксерским восстанием и участием в нем России. Поэтому нам кажется, что и отношение Н. В. Федорова к Китаю определяет его историософская, геополитическая концепция, в ней и следует искать истоки позиции философа. Но сначала разберем и другие ее объяснения.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЗИЦИИ Н. В. ФЕДОРОВА

Н. А. Сетницкий, указав, что федоровское отношение к Китаю определяется его «философией истории» [Сетницкий, 2017, с. 292], вместе с тем писал, что позиция философа в связи с боксерским восстанием объясняется приматом для него культа предков. Действительно, в письмах Кожевникову Н. В. Федоров подчеркивал именно этот момент, называя войну «наказанием сынов» за «почитание

отцов» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 424] и предлагая России сделать выбор между «обожателем золота» (Европой) и «обожателем праха» (Китаем) [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 429–430].

Примат культа предков для Н. В. Федорова, по нашему мнению, является причиной его изначального интереса к Китаю. Этот культ философ считал «единой истинной религией» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 69], настаивая, что смысл его не «почитание смерти», но объединение живых в обращении смертоносной силы, «имеющий в себе голод, язвы и смерть» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 73] в «живоносную».

Антиномию жизни и смерти философ видел везде, в том числе, например, в китайской иероглифической письменности. Первое упоминание страны в его письмах, в 1888 году, как раз с ней и связано. Н. В. Федоров указал Кожевникову на книгу нашего замечательного китаиста С. М. Георгиевского «Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа» (1888), в той же книге Георгиевский подробно описывает и китайский культ предков. Интересно, что для характеристики иероглифов, Федоров привел высказывание (закавыченное) французского синолога Ж. П. Абель-Ремюза о живописности и энергии китайских иероглифов по сравнению с «бесплодными (*stériles*)» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 224] европейскими знаками, о том, что для выражения смысла одного китайского слова потребуется несколько европейских фраз. Комментаторы считают, что цитата взята из статьи Абель-Ремюза «*Sur les caractères figuratifs qui ont servi de base à l'écriture chinoise*» [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 260]; ссылку на эту же статью дает в своей книге и Георгиевский, в списке работ, посвященных китайской иероглифике [Георгиевский, 1888, с. 6]. Но подобного высказывания в указанной статье французского сиолога нет, он ограничивается замечаниями о и живописности и замысловатом смысле иероглифов [Abel-Rémusat, 1826, с. 43]. Зато сам Н. В. Федоров в письме далее развил цитату: иероглифическая письменность превосходит и живопись и фонетическую грамоту. В работе «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства» он называл иероглифическую грамоту «живом письмом, говорившим преимущественно о мертвых, как бы ожившим» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 55], сравнивал его с современным стенографическим письмом (сравнение происходит не в пользу последнего). Т. е. антиномия «жизнь – смерть» находится даже в китайской письменности.

Справедливо эту антиномию выделяет у Н. В. Федорова и Е. В. Завадская, ссылаясь на работу «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь» и считая, что философ создает «графическую модель мироздания, пронизанную двумя началами: смертью и тьмой, жизнью и смертью, силами Неба и Земли» [Завадская, 1989, с. 198–199]. Завадская усматривается здесь реминисценции из древнейшего китайского трактата «И цзин» («Книги перемен»). Однако в данной работе Н. В. Федорова делает акцент не на антиномии света и тьмы, мужского и женского, неба и земли... (т. е. ян и инь), а на вертикальном положении индивида, в котором ему открывается Небо и Земля, день и ночь, времена года и части света. Для первобытного человека, по Н. В. Федорову, их познание слилось «с представлением о жизни и смерти» [Федоров, 1995–2000, т. 2, с. 249–250].

Дискуссионным кажется нам и тезис Завадской о «конфуцианстве» Федорова. Здесь она цитирует предисловие к однотомнику Н. В. Федорова (1982), к котором С. Г. Семенова пишет о влиянии конфуцианства на философа. Но в предисловии к четырехтомнику (1995) этого положения уже нет. Завадская же, цитируя раннее семеновское предисловие 1982 года, объясняет сходство учения Федорова с конфуцианством на основании примата культа предков, как «центрального элемента духовной культуры» [Завадская, 1989, с. 198–199].

Однако характер китайского культа предков Федоров осуждал, поскольку идею воскресения в ней не находил. Да, китайцы обожествили некоторых первопредков (Фу Си, Хуан Ди, Шэнь-нун и др.), но в своем культе они лишь почитают предков, приносят им жертвы, но вовсе не воскрешают их. И Н. В. Федоров неоднократно возвращался к этому факту, критикуя Китай, «лицемерно чтущий предков» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 461], противопоставляя «истинное» служение отцам: и «творение подобий по-китайски <...>» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 70], считая, что Китай утратил смысл погребения как «оживления» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 461].

Находим мы в его текстах и критику ограничений, накладываемых конфуцианством. Он писал, что любовь детей к родителям проявляется здесь «в форме обряда, игры», все более превращается в фикцию [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 49]; жертвенные предметы заменяются их изображениями, а увеселениям придается слишком большое внимание.

Здесь уже слышна критика китайской культуры; но Федоров идет и дальше, отмечая практицизм и материализм китайцев: «В Китае же промышленность поглотила всю деятельность, убив

всякую созерцательность, все воображение. <...> Китай своих (завоевателей. – Е. О.) делает материалистами или эпикурейцами» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 219]. Тут Н. В. Федоров повторяет некоторые характеристики Китая, данные Соловьевым в статье «Китай и Европа», таким образом, сходство философов обнаруживается, но не в положительной, а в отрицательной оценке Поднебесной. Эти характеристики и дают повод А. В. Лукину соотнести воззрения Н. В. Федорова с западной традицией отношения к Китаю.

ИСТОРИОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЗИЦИИ И. Ф. ФЕДОРОВА

Поэтому нам кажется, что не значение культа предков в китайской культуре и не отношение к этой культуре в целом определило позицию философа в связи с боксерским восстанием. Дело не в онтологической, а в историсофской позиции Н. В. Федорова; выше уже указывалось, что Сетницкий не исключает и этого объяснения. Н. В. Федоров разделял народы на земледельческие, континентальные (к которым относятся и Россия, и Китай) и океанические (Европа), с последними действуют заодно и народы кочевые (мир ислама). Первые ориентированы на небо, вторые – на землю, и только на ее часть. Причем океанические страны «ценят разъединение» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 76] как освобождение и объединение заменяют преобладанием. Континентальные страны должны освободиться от влияния океанических, найти единство «общее дело» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 76] в метеорологической регуляции, понять ее необходимость.

Таким образом, Китай и Россия изначально оказываются вместе. В завершении статьи «Чему научает древнейших христианских памятников в Китае» Федоров писал о мирном характере этих земледельческих народов, об их защите от кочевников – каменным (Великая стена) и земляными валами, о расширении области мира. Два эти народа, считал Федоров, по самой своей природе крестьяне (христиане) и «носители мира» [Федоров, 1995–2000, т. 3, с. 216].

Федоровское разделение народов напоминают хомяковское противопоставление «народов-переселенцев» («звероловов или пастухов» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 84] и «хлебопашцев» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 88], «народа земледельческого» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 89]). У первых не так сильно чувство родины, в войну они сражаются

или переселяются в новые земли [Хомяков, 1994, т. 1, с. 89]: их отличает гордость и презрение к побежденным и «ко всему чуждому» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 98]. Таковы кельты, германцы, монголы, турки.

Земледельческие народы, по А. С. Хомякову, соединяются в крепкую массу, дают отпор кочевникам и постепенно расширяют свои границы. «Такова судьба России и Китая, которые мирною сохой победили мечи соседних племен» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 89]. Эти народы не обращают своих врагов в рабство, не считают себя выше других, «ближе к общечеловеческим началам» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 84]. Сходство историсофской концепции Федорова и А. С. Хомякова налицо.

С. И. Скороходова возводит и федоровское противопоставление «Ирана» и «Турана» к хомяковской антиномии «Ирана» и «Куша» [Скороходова, 2016, с. 34], но здесь бы мы с ней не согласились. У А. С. Хомякова Иран олицетворяет свободу, Куш – необходимость, у Федорова Иран – жизнь, Туран – смерть. Таким образом, в концепции Хомякова прочитывается гегелевская философия истории, у Н. В. Федорова же работает его базовое противопоставление жизни и смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, федоровское сочувствие Китаю во время боксерского восстания и осуждение русского участия в его подавлении определяется, по нашему мнению, историсофской позицией философа: восприятие Китая как мирного, земледельческого народа и сходство его в означенном качестве с Россией. Здесь Федоров близок славянофилам и позиции консервативной газеты «Новое время».

Другие же особенности китайской культуры оцениваются весьма критически, Федоров видит в ней примат обряда, материализм, отсутствие созерцательности и воображения. Здесь можно сходство с западной традицией восприятия Китая.

Такая двойственность, по нашему мнению, объясняется своеобразием самого федоровского учения, соединяющего в себе элементы религии («воскрешение мертвых») и науки («метеорологическая регуляция»), уважение к прошлому и веру в прогресс, светлое будущее. Г. В. Флоровский не случайно писал о «религиозно-техническом проекте хозяйства» [Флоровский, 1988, с. 325], называя учение философа «религиозным позитивизмом» и сближая его с воззрениями О. Конта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сетницкий Н. А. Русские мыслители о Китае // Избранные труды юридического факультета в Харбине. М.: РКЮО, 2017. С. 288–334.
2. Федоров Н. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Традиция, 1995–2000.
3. Скороходова С. И. Азия в русской философии XIX века // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 26–43.
4. Самойлов Н. А. Россия и Китай // История России: Россия и Восток. СПб.: Лексикон, 2002. С. 502–574
5. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVIII–XX веках. М.: Восток–Запад, 2007.
6. Дацышен В. Г. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб.: Цитадель, 1999.
7. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1911–1914.
8. Слуцкий С. Древнейший христианский памятник в Китае // Русский архив. 1901. № 1. С. 151–165.
9. Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002.
10. Нус М. Le christianisme en Chine en Tartarie et au Thibet. Paris: Gaume Frères, Libraires-éditeurs, 1857. V.1.
11. Спасский А. В. Обзор журналов: Статьи по древней и общей церковной истории // Богословский вестник. 1901. Т. 2. № 7–8. С. 609–625.
12. Георгиевский С. М. Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб.: Типография Н. И. Скороходова, 1888.
13. Abel-Rémusat J.-P. Sur les caractères figuratifs qui ont servi de base à l'écriture chinoise // Mélanges asiatiques. Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils, 1826. V. 2. P. 33–46.
14. Завадская Е. В. Китайские аллюзии в сочинениях Н. Ф. Федорова // Общество и государство в Китае: тезисы и доклады XX Научная конференция. М.: Восточная литература, 1989. Ч. 1. С. 197–201.
15. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994.
16. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-PRESS, 1988.

REFERENCES

1. Setnickij, N. A. (2017). Russkie mysliteli o Kitae = The Russian thinkers about China. Izbrannye trudy juridicheskogo fakul'teta v Harbine. Selected Works of the Faculty of Law in Harbin. Moscow: RKJuO. (In Russ.)
2. Fedorov, N. V. (1995–2000). Sbranie sochinenij = Collection of works: in 4 vols. Moscow : Tradicija. (In Russ.)
3. Skorohodova, S. I. (2016) Azija v russkoj filosofii XIX veka = Asia in the Russian Philosophy of the XIX century. Solov'evskie issledovaniya. The Solovyov studies, 1(49), 26–43. (In Russ.)
4. Samojlov, N. A (2002). Rossija i Kitaj = Russia and China. Istorija Rossii: Rossija i Vostok. The history of Russia: Russia and the East (pp. 502–574). St.Petersburg: Leksikon. (In Russ.)
5. Lukin, A. V. (2007). Medved' nabljudat za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVIII–XX vekah = The bear is watching the dragon. The image of China in Russia in the XVIII–XX centuries. Moscow : Vostok–Zapad. (In Russ.)
6. Dacyshen, V. G. (1999). Russko-Kitajskaja vojna 1900 g. Pohod na Pekin = The Russian-Chinese War of 1900. A trip to Beijing. St.Petersburg: Citadel'. (In Russ.)
7. Solov'ev, V. S. (1911–1914). Sbranie sochinenij = Collection of works: in 10 vols. St.Petersburg: Prosveshhenie. (In Russ.)
8. Sluckij, S. (1901). Drevnejshij hristianskij pamjatnik v Kitae = The oldest Christian monument in China. Russkij arhiv, 1, 151–165. (In Russ.)
9. Lomanov, A. V. (2002). Hristianstvo i kitajskaja kul'tura = Christianity and Chinese Culture. Moscow : Vostochnaja literature. (In Russ.)
10. Nус, M. (1857). Le christianisme en Chine en Tartarie et au Thibet = Christianity in China, Tartary and Tibet. Paris Gaume Frères, Libraires-éditeurs. Vol. 1.
11. Spasskij, A. V. (1901).Obzor zhurnalov: Stat'i po drevnej i obshhej cerkovnoj istorii = The review of Journals: Articles on Ancient and General Church History. Bogoslovskij vestnik, 7–8, 609–625. (In Russ.)
12. Georgievskij, S. M. (1888). Analiz ieroglificheskoy pis'mennosti kitajcev, kak otrazhajushhej v sebe istoriju zhizni drevnego kitajskogo naroda = The analysis of the Chinese hieroglyphic script as reflecting the life history of the ancient Chinese people. St.Petersburg: Tipografija N. I. Skorohodova. (In Russ.)
13. Abel-Rémusat, J.-P. (1826). Sur les caractères figuratifs qui ont servi de base à l'écriture chinoise = About the figurative characters that served as the basis for Chinese writing. In Mélanges asiatiques (vol. 2, 33–46). Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils.

14. Zavadskaja, E. V. (1989). Kitajskie alljuzii v sochinenijah N. F. Fedorova = The Chinese allusions in the works of N. F. Fedorov. The XX scientific conference "The Society and the State in China" (vol. 1, pp. 197–201): Abstracts and reports. Moscow : Vostochnaja literatura. (In Russ.).
15. Homjakov, A. S. (1994). Sochinenija = The works : in 2 vols. Moscow : Moskovskij filosofskij fond; Medium. (In Russ.)
16. Florovski, J. G. (1988). Puti russkogo bogoslovija = The Ways of Russian Theology. Paris: YMCA-PRESS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осьминина Елена Анатольевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osminina Elena Anatolievna

PhD (Philology), Professor of the Department of the World Culture,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.10.2022
26.11.2022
30.11.2022

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication